

Основной фонд
русские

25941

6409

ME

Б48

автограф

Э. Н. Берендтсъ.

КЪ ВОПРОСУ
О
ПРАВОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
ФИНЛЯНДІИ.

Изданіе С.-Петербургскаго Клуба Общественныхъ
Дѣятелей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. О. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1910.

1956

Губернатору
Всесоюзному
Э. Н. Берендтсъ.

МЕ

Б48

КЪ ВОПРОСУ

ПРАВОВОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
ФИНЛЯНДІИ.

Издание С.-Петербургскаго Клуба Общественныхъ
Дѣятелей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Θ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1910.

В. В. В. В.

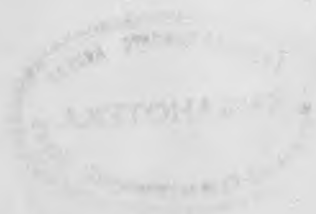
В. В. В. В.

ПРАВОВОЕ ПОСРЕДСТВО

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Определение Верховного Суда РСФСР

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 2407/1969 г.

Определение Верховного Суда РСФСР

С.-Петербургскій Клубъ Общественныхъ Дѣятелей, выслушавъ въ Общемъ Собраніи 31 сего Января докладъ проф. Э. Н. Берендтса по вопросу, возбужденному въ опубликованномъ 65-ю нѣмецкими профессорами заявленіи, озаглавленномъ «Въ защиту Финляндіи», и вполнѣ раздѣляя высказанные въ докладѣ проф. Э. Н. Берендтса доводы и заключенія, призналъ:

1) что Фридрихсгамскій мирный трактатъ 1809 года не содержитъ въ себѣ международно-правового обязательства предоставить Финляндіи положеніе *особаго государства* и

2) что вопросъ о правахъ Финляндіи не есть вопросъ *международнаго* права, и

— постановилъ отпечатать, для всеобщаго ознакомленія, на средства Клуба, докладъ проф. Э. Н. Берендтса.

65 профессоръ германскихъ, австрійскихъ и швейцарскихъ университетовъ, а вслѣдъ за ними и 8 голландскихъ, какъ юристы, такъ и историки и философы, естественники и богословы, въ числѣ ихъ и первоклассные представители различныхъ наукъ, сочли умѣстнымъ и необходимымъ опубликовать отзывъ или воззваніе въ пользу сохраненія правового порядка Финляндіи, неприкосновенности котораго угрожаютъ якобы различныя распоряженія русской государственной власти. Означенныя распоряженія, по мнѣнію подписавшихъ отзывъ, имѣютъ: „столь исключительный характеръ и значеніе, что они неминуемо должны были вызвать въ каждомъ культурномъ и правовомъ государствѣ самое скорбное вниманіе и изумленіе“. Почетные представители науки не считаютъ необходимымъ точнѣе опредѣлить, какія именно распоряженія возбудили ихъ скорбное вниманіе и изумленіе.

Не думаемъ, чтобы подъ этими распоряженіями понимали назначеніе новаго Генераль-Губернатора и новыя назначенія по Хозяйственному Департаменту Императорскаго Финляндскаго Сената, изъ котораго ушли прежніе коренные финляндцы, замѣненные лицами, пользующимися правомъ финляндскаго гражданства, потомки коренныхъ финляндцевъ или натурализованныхъ въ Финляндіи русскихъ. Не думаемъ также, чтобы къ числу этихъ распоряженій причислялись неоднократные роспуски финляндскаго сейма, совершенные съ точнымъ соблюденіемъ финляндскихъ основныхъ законовъ.

Можно догадываться, что означенное скорбное вниманіе вызвали: 1) Высочайшее повелѣніе о перечисленіи военнаго пособія изъ финляндской казны въ государственное казначейство за 1908 и 1909 г.г.; 2) Высочайшее повелѣніе о новомъ порядкѣ подготовленія къ всеподданнѣйшему докладу финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ Имперіи, и 3) принятыя въ смѣшанной русско-финляндской комиссіи большинствомъ 6 русскихъ членовъ противъ 5 финляндскихъ предположенія о порядкѣ изданія обще-государственныхъ

законовъ и о сферѣ обще-государственнаго законодательства.

Что касается перваго пункта, то въ данную минуту нѣтъ возможности войти въ обсужденіе контрoверзъ о предѣлахъ финансовой прерогативы Монарха, и едва ли необходимо доказывать справедливость требованія Верховной Власти, чтобы Финляндія участвовала въ несеніи военныхъ тяготъ Россіи, если не въ формѣ отбыванія личной воинской повинности, то по крайней мѣрѣ въ формѣ денежныхъ платежей.

И въ самой Финляндіи все чаще слышатся голоса, которые признаютъ справедливость этого требованія по существу и возражаютъ не противъ требованія по существу, но только противъ формы, въ которой оно предъявлено. Едва ли это разногласіе о предѣлахъ финансовыхъ прерогативъ Монарха въ состояніи вызвать скорбную тревогу не только въ Европѣ, но даже во всемъ мірѣ. Что касается втораго пункта, то опять-таки время не позволяетъ разсмотрѣть всѣ причины, которыя привели къ изданію Высочайшаго повелѣнія 20 мая 1908 г. И здѣсь нужно замѣтить, что въ самой Финляндіи никто ни оспаривалъ права Монарха выслушивать по финляндскимъ дѣламъ мнѣнія своихъ имперскихъ совѣтниковъ, и возраженія финляндцевъ направлены не столько противъ этого права самого по себѣ, сколько противъ размѣровъ пользованія имъ и формъ его осуществленія.

И въ данномъ случаѣ едва ли можно предполагать, что вся Европа и весь культурный міръ испытываютъ какую либо тревогу по поводу участія Совѣта Министровъ въ оцѣнкѣ финляндскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія интересовъ и правъ Россіи. Остается, слѣдовательно, думать, что почтенные ученые встревожены проектомъ такъ называемой Харитоновской комиссіи.

Не преждевременно ли волненіе корифеевъ науки? Вѣдь это проектъ подготовительной комиссіи, которая рѣшающаго голоса не имѣетъ.

Совѣтъ Министровъ еще не высказался, не высказались ни Государственная Дума, ни Государственный Совѣтъ, не сказала своего рѣшающаго слова Верховная Власть.

Почетные ученые заявляютъ, что они не желаютъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи. Оно и понятно, ибо Россія не потерпѣла бы такого вмѣшательства въ настоя-

щее время, точно такъ же, какъ она не терпѣла его ни въ 1863, ни въ 1899 г.г. И нужно надѣяться, что всякая попытка такого вмѣшательства встрѣтила бы здѣсь единодушный отпоръ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ и направленій.

Несмотря на это заявленіе г.г. ученыхъ, и охотно вѣря, что они сами сознаютъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго права на такое вмѣшательство, я вполне убѣжденъ, что подавляющее большинство русскихъ гражданъ признаетъ, что это воззваніе есть неумѣстная выходка по адресу русской государственной власти. Чѣмъ болѣе уважаешь научныя заслуги этой плеяды крупныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе удивляешься политической необдуманности ихъ шага и научной необоснованности ихъ отзыва.

Но если г.г. ученые не желаютъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи и если они тѣмъ не менѣе выступаютъ противъ политическихъ мѣропріятій русской государственной власти по отношенію къ Финляндіи, то ясно, что они эти мѣропріятія не признаютъ мѣрами внутренней политики. И если это такъ, то на чемъ же основано это мнѣніе?

Въ воззваніи сказано: «существующее между Россійскимъ правительствомъ и финляндскимъ народомъ разногласіе затрагиваетъ также и общіе интересы Европы и даже всѣхъ культурныхъ государствъ».

Слѣдовательно оказывается, что Европа имѣетъ право голоса при рѣшеніи вопроса о томъ, какими правами пользуется Финляндія въ составѣ Россійской Имперіи. Слѣдовательно, всякое дѣйствительное или предполагаемое, или даже мнимое измѣненіе въ объемѣ этихъ правъ есть вопросъ международнаго права, нарушеніе котораго въ данномъ случаѣ волнуетъ весь культурный міръ и защитниками коего выступаютъ указанные ученые.

Да, въ воззваніи сказано слѣдующее:

«Если такимъ образомъ господствующее между Россіей и Финляндіей разногласіе и не таково, чтобы слѣдовало его передать на обсужденіе международнаго третейскаго суда, то во всякомъ случаѣ и улаженіе его согласно праву немаловажно для значенія и для авторитета, съ которымъ должно относиться къ международному праву, ибо территориальное приобрѣтеніе, которое опиралось и на согласіе населенія завоеванной страны, причемъ и формальный договоръ о

передатѣ напоминалъ объ обѣщаніи, данномъ завоевавшей страной, не является приобрѣтеніемъ, которое давало бы завоевавшему государству право взять обратно разъ данное обѣщаніе безъ нарушенія тѣмъ международнаго права».

О какомъ обѣщаніи Императора Александра I идетъ здѣсь рѣчь?

По мнѣнію почтенныхъ ученыхъ Императоръ Александръ I обѣщаль дать Финляндіи самостоятельное существованіе въ качествѣ соединеннаго съ великимъ русскимъ государствомъ, но отличающагося отъ него государства.

Слѣдовательно воззваніе ученыхъ основано на трехъ положеніяхъ: 1) Финляндія прибрѣтена Россіей съ согласія ея населенія; 2) Александръ I обѣщаль дать Финляндіи самостоятельное существованіе на правахъ соединеннаго съ Россіей, но особаго государства, и 3) благодаря тому, что въ Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ 1809 г. есть ссылка на такое именно обѣщаніе, оно прибрѣло характеръ международно-правового обязательства.

Въ воззваніи сказано «Уничтоженіе или даже только уменьшеніе этой политической самостоятельности Финляндіи было бы равносильнымъ нарушенію торжественно данныхъ обѣщаній и отмѣнѣ считавшихся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній неприкосновеннымъ правопорядка». Не буду останавливаться на увѣреніи ученыхъ, что потеря политической самостоятельности повлечетъ за собою неминуемую гибель финской культуры, ибо, насколько мнѣ извѣстно, только въ весьма узкомъ кругу въ Россіи высказывались пожеланія отмѣны автономіи Финляндіи. Позвольте мнѣ обратиться къ указаннымъ тремъ основнымъ положеніямъ ученыхъ и начать съ третьяго, съ принятаго якобы Россіей на себя международно-правового обязательства предоставить Финляндіи права особаго отъ Россіи государства.

Почтенные ученые утверждаютъ, что въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ 1809 г. содержится ссылка на заявленіе Императора Александра, что Онъ намѣренъ дать Финляндіи самостоятельное существованіе въ качествѣ соединеннаго съ великимъ русскимъ государствомъ государства, притомъ особаго отъ русскаго государства. Обратимся къ тексту означеннаго трактата. Двѣ статьи преимущественно трактуютъ объ уступкѣ Финляндіи: ст. 4 и 6.

Ст. 4 гласитъ слѣдующее: Его Величество Король Швед-

скій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и Королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя и завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кимменогородскую, Ньюландскую и Тавастгускую, Абовкую и Біерноборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую и Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ. Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Всероссійской и къ ней навсегда присоединяются».

На эту статью, въ которой даже не упоминается слова «Великое Княжество Финляндское», какъ политическое цѣлое, а говорится только о 6 шведскихъ губерніяхъ, уступленныхъ Россіи, составлявшихъ такъ называемую шведскую Финляндію, о части одной шведской губерніи и объ Аландскихъ островахъ, не причислявшихся къ Финляндскимъ губерніямъ, конечно нельзя ссылаться въ защиту положенія, что обѣщанія Александра I создать особое отъ русскаго государства финляндское государство имѣетъ значеніе международно-правового обязательства.

Но можетъ быть 6 статья содержитъ въ себѣ обязательство такого рода. Она гласитъ слѣдующее: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ приобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества; то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія».

Даже при самомъ внимательномъ чтеніи нельзя вычитать обязательства даровать Финляндіи особую государствен-

ность. О государственности Финляндіи здѣсь нѣтъ ни пол- слова.

Но можетъ быть здѣсь опущена ссылка на такое обяза- тельство по той причинѣ, что Императоръ Александръ I почти за 6 мѣсяцевъ до заключенія мира заключилъ какой либо договоръ съ финляндскимъ народомъ, и что поэтому ссылка на такое соглашеніе казалась лишней.

Позвольте на справку привести слѣдующую параллель.

Въ 1710 г. Петръ Великій, завоевавъ Ригу и Ревель, заключилъ капитуляцію съ рижскимъ и ревельскимъ гра- жданствомъ и лифляндскимъ и эстляндскимъ рыцарствомъ. Въ этихъ капитуляціяхъ онъ обѣщалъ сохраненіе преиму- ществъ рыцарства и бюргерства, привилегій евангелической церкви, школы и т. д., сохраненіе всего того, что называлось земскимъ штатомъ, а иными словами могло бы быть названо конституціей Лифляндіи и Эстляндіи.

Черезъ 11 лѣтъ былъ заключенъ Ништадтскій мирный договоръ и въ этомъ трактатѣ, а именно въ ст. 9 и 10 этого трактата было сказано слѣдующее:

«Его Царское Величество обѣщаетъ при томъ, что всѣ жители провинцій Лифляндскія и Эстляндскія, также и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные и въ тѣхъ про- винціяхъ обрѣтающіеся города, Магистраты, цехи и цунфты при нихъ подъ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ приви- легіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, по- стоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

Такоежъ въ такихъ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ ни какое принужденіе къ совѣсти введено быть; но паче евангели- ческая вѣра, кирха и школы и что къ тому принадлежитъ, на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были оставлены и содержаны, однакожъ во оныхъ и вѣра греческаго исповѣданія впредъ такоежъ сво- бодно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть мо- жетъ и имѣетъ». Почти дословное утвержденіе всѣхъ этихъ преимуществъ находится въ ст. 8 и 9 Абовкаго мирнаго трактата 1743 года.

Я привелъ на справку эти статьи двухъ трактатовъ, со Швеціей же заключенныхъ, чтобы иллюстрировать различіе между точно опредѣленными обязательствами, которыя при- нялъ на себя завоеватель въ пользу покореннаго силою ору- жія населенія, отъ глухихъ ссылокъ на великодушіе и мило-

сердіе, во имя которыхъ контрагентъ—шведскій король отказывается отъ долга выговорить въ пользу бывшихъ подданныхъ какое-либо обязательство, гарантированное международнымъ правомъ.

Если донынѣ никто еще не рѣшался сослаться на указанные статьи мирныхъ трактатовъ Ништадтскаго и Абовкаго въ пользу защиты положенія, что Русская Верховная Власть обязалась создать особое государство изъ Лифляндіи, Эстляндіи и завоеванной въ 1743 г. части Финляндіи, то тѣмъ большее удивленіе должно вызвать, что 65 ученыхъ, среди нихъ рядъ первоклассныхъ юристовъ и историковъ, рѣшились заговорить о какой-то международно-правовой, гарантіи особой финляндской государственности, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ права предполагать, что они не читали Фридрихсгамскаго трактата или читали его въ невѣдомой донынѣ редакціи.

То, въ чемъ обязался Императоръ Александръ I передъ шведскимъ контрагентомъ, если вообще можно говорить объ обязательствахъ, охрана свободы вѣры, охрана права собственности и различныхъ преимуществъ, то свято соблюдено имъ и его преемниками, и Финляндія пользовалась и донынѣ пользуется такими преимуществами, какія никогда или рѣдко были дарованы побѣдителемъ побѣжденнымъ. Напрасно поэтому великіе ученые обращаютъ скорбное вниманіе на не имѣвшее мѣсто нарушеніе международного права.

Перехожу ко второму положенію германо-австрійскихъ ученыхъ. Они утверждаютъ, что территоріальное приобрѣтеніе 1809 г., т. е. приобрѣтеніе Финляндіи, состоялось съ согласія населенія.

Авторитеты науки въ своемъ отзывѣ ссылаются постоянно на международное право и весьма озабочены неприкосновенностью его.

Международное право, по крайней мѣрѣ международное право новаго времени, а одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей его, профессоръ Ф. Баръ, подписался подъ отзывомъ, конечно допускаетъ соглашеніе завоевателя съ населеніемъ завоеванной территоріи и даже выставляетъ требованіе, чтобы съ населеніемъ завоеванной территоріи не обращались какъ со стадомъ безсловесныхъ животныхъ и нѣмою принадлежностію земли.

Но донныѣ международное право не признавало права ни за завоевателемъ опредѣлять до заключенія мира государственно-правовой строй завоеванной территоріи, ни за населеніемъ вступать съ государственною властью завоевательницею въ соглашеніе до заключенія мира, на счетъ своего будущаго государственно-правового положенія. Между тѣмъ почтенные ученые ссылаются на согласіе финскаго народа на уступку Финляндіи Россіи, которое по ученію почти всѣхъ финляндскихъ юристовъ имѣло мѣсто на сеймѣ въ Борго, т. е. за 6 мѣсяцевъ до заключенія мирнаго трактата въ Фридрихсгамѣ. Только ст. 4 этого трактата «по силѣ отреченія», освобождала финляндцевъ «отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими державѣ шведской». Но можно возразить: въ началѣ XIX столѣтія еще не дѣйствовали современные намъ болѣе твердыя положенія международнаго права; то было время владычества Наполеона, когда всѣ международно-правовыя положенія попирались ногами, когда нарушались самыя торжественно установленныя международно-правовыя обязательства и господствовала сила, а не право. Что же! Это возраженіе будетъ основательнымъ, но тогда не слѣдуетъ ссылаться на мнимыя и съ точки зрѣнія международнаго права не допустимыя соглашенія для защиты незыблемости современнаго болѣе строгаго международнаго права. Нерѣдко встрѣтить въ финляндской литературѣ увѣреніе, что на сеймѣ въ Борго Александръ I заключилъ договоръ съ представителями финскаго народа. Въ силу этого договора они признали его Великимъ Княземъ Финляндскимъ, а онъ обязался сохранить ихъ конституцію.

Для того, чтобы заключить договоръ, нужно обладать правоспособностью и дѣеспособностью. Обладало ли финское сословное представительство этими качествами въ мартѣ 1809 г.? Едва ли.

Прежде всего позвольте мнѣ указать на то, что три части современнаго намъ Великаго Княжества Финляндскаго уже никоимъ образомъ не могли участвовать въ заключеніи какого либо договора съ русскою государственною властію. Я говорю о тѣхъ частяхъ Финляндіи, которыя были завоеваны въ 1721 и 1743 г. г., а также о части провинціи Вестерботтенъ и Аландскихъ островахъ, которые никогда раньше къ Финляндіи не причислялись и жители которыхъ совсѣмъ не участвовали въ сеймѣ въ Борго.

Что касается остальной части Финляндіи, то и она не имѣла права входить въ какія-либо сдѣлки съ завоевателемъ, ибо шведская Финляндія была инкорпорированной частью Швеціи, не имѣла никакой особой конституціи, никакого особаго финляндскаго народнаго представительства, а пользовалась лишь правомъ посылать своихъ представителей на риксдагъ въ Швецію. Созывать же риксдагъ по основнымъ законамъ Швеціи могъ только король шведскій. До заключенія же мира съ Швеціей русскій Императоръ не былъ еще правопреемниковъ шведскаго короля.

Но можно возразить, что Александръ I уже въ 1808 г. манифестомъ 5 іюня объявилъ себя сувереномъ Финляндіи, можно сослаться на то, что уже манифестомъ отъ 20 марта 1808 г. онъ потребовалъ отъ обывателей присяги на вѣрное русскому престолу подданство. Обыватели и принесли эту присягу, хотя далеко не всѣ и далеко не добровольно.

Но если ссылаются на этотъ манифестъ въ защиту права Императора Александра созывать сеймъ въ Борго, то не слѣдовало бы забывать словъ этого манифеста, которыя гласятъ: „воспріали мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, промысломъ Намъ врученное, во всей неизбылемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіей единствѣ. Въ средѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени воспріали навсегда свое мѣсто“.

Если признать, что въ силу этого манифеста Александръ сталъ уже Государемъ надъ Финляндіей, то конечно нужно признать за нимъ право созывать сеймъ и организовать его по своему усмотрѣнію, но тогда очъ не нуждался болѣе въ соглашеніи на счетъ условій своего государствованія и кромѣ того нужно признать, что онъ этимъ актомъ нарушилъ международное право.

Въ оправданіе заключеннаго якобы въ 1809 г. между Императоромъ Александромъ и финляндскимъ народомъ договора приводятъ иногда слѣдующее соображеніе: Если все государство находится въ рукахъ завоевателя, если прежняя государственная власть прекратила свое существованіе, то завоеватель и до заключенія мирнаго трактата имѣетъ право опредѣлять и устанавливать новый правовой порядокъ въ завоеванной странѣ.

Не оспаривая правильности этого положенія, замѣчу только, что оно не примѣнимо къ Финляндіи въ 1809 г., ибо завоеваніе 5 шведскихъ губерній, входящихъ нынѣ въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго, не было завоеваніемъ государства, а завоеваніемъ только части шведскаго государства, которое не прекратило своего существованія, не утратило своей государственной власти, и сверженіе съ престола короля Густава IV не означало прекращенія государственной власти Швеціи, а лишь замѣну одного носителя ея другимъ, который только въ сентябрѣ 1809 г. при заключеніи мира освободилъ финлянцевъ отъ присяги вѣрности и уволилъ ихъ изъ шведскаго подданства, и тѣмъ самымъ призналъ и заявилъ, что не признавалъ никакого предшествующаго договора финляндцевъ съ Русскимъ Монархомъ.

Я думаю не ошибиться, если скажу, что никакого договора между Александромъ I и финляндскимъ народомъ на счетъ политическаго устройства Финляндіи не было заключено на сеймѣ въ Борго и не могло быть заключено. Было объявлено и обѣщано завоевателемъ пожалованіе весьма широкихъ преимуществъ завоеванной области, и обѣщать такія преимущества Русскій Монархъ конечно могъ, но это было не заключеніе договора, а односторонній актъ монаршаго милосердія и великодушія, и таковымъ названъ этотъ актъ въ Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ.

Такимъ образомъ неправильны ссылки почтенныхъ ученыхъ и на Фридрихсгамскій мирный трактатъ, и на якобы предшествовавшее ему соглашеніе финляндскаго народа съ завоевателемъ. Прибавимъ къ этому еще слѣдующее указаніе. Далеко не всѣ финляндцы, служившіе въ шведскихъ войскахъ, прекратили борьбу съ русскими послѣ Боргоскаго сейма. Они исполняли долгъ вѣрности шведскимъ знаменамъ до конца. Еще въ іюнѣ 1809 г. палъ въ сраженіи съ русскими одинъ изъ героевъ, воспѣтый Рунебергомъ. Неужели онъ сражался противъ своего народа, противъ ново-созданнаго финляндскаго государства и особаго финляндскаго монарха?

Перехожу къ 3 положенію. Германо - австрійскіе ученые ссылаются на особую государственность Финляндіи и независимо отъ международно-правовой гарантіи этой государственности.

Они заявляютъ: «по почти единогласному мнѣнію самыхъ выдающихся правовѣдовъ среди всѣхъ цивилизованныхъ

народовъ Императоръ Александръ I въ 1809 г., при соединеніи Финляндіи съ Россіей, призналъ за Финляндіею положеніе государства, особаго отъ русскаго государства. Уничтоженіе или одно уменьшеніе этой политической самостоятельности Финляндіи было бы равносильнымъ нарушенію торжественно данныхъ увѣреній и отмѣнѣ считавшагося въ то время нѣсколькихъ поколѣній неприкосновеннымъ правопорядка».

Несомнѣнно, что теоретическія разсужденія по вопросу о природѣ связи Финляндіи съ Россіей никому не возбраняются и не могутъ почитаться вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Россіи. Вѣдь и мы разсуждаемъ о различныхъ явленіяхъ въ политической жизни Германіи и Австріи. Но если такія политическія теоретическія положенія публикуются въ формѣ какого-то воззванія, если ученые выступаютъ съ претензіей принять какъ бы участіе въ практическомъ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ русскаго государственнаго права и съ цѣлью произвести давленіе на русское общественное мнѣніе и русскую государственную власть, тогда на такого рода притязанія, даже если они высказываются высокими научными авторитетами, нужно отвѣтить только двумя словами: руки прочь.

Но независимо отъ неумѣстности этого притязанія, приходится сожалѣть о томъ, что научные авторитеты колеблютъ свой авторитетъ слишкомъ уже рѣшительнымъ заявленіемъ по такому спорному вопросу.

Къ сожалѣнію, въ данную минуту нѣтъ возможности войти въ обсужденіе того, какъ различно объясняется понятіе „государство“, какими признаками отличается государство отъ автономной области, нѣтъ никакой возможности коснуться всѣхъ этихъ безконечныхъ контроверзъ о природѣ государства, его формахъ и видахъ суверенитета, автономіи и т. д.

Но считаю долгомъ заявить, что поскольку пришлось весьма и весьма смущаться и удивляться, видя какъ крупные ученые необдуманно ссылаются на трактатъ 1809 г. и на мнимое соглашеніе, постольку нужно признать, что третье ихъ положеніе, что Финляндія по данному Александромъ I общанію представляетъ собою особое отъ Россіи государство, легче объяснимо. Вѣдь это мнѣніе высказывалось и нѣкоторыми изъ лучшихъ нашихъ юристовъ и государствовѣдовъ и легко понять почему. Давно ли вскрылись архивы

и въ коренной Россіи, и въ Финляндіи, давно ли стали доступными ихъ матеріалы, давно ли стало извѣстнымъ, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ не финляндцы послѣднихъ двухъ поколѣній, а финляндцы современники Александра I и ближайшее за ними поколѣніе?

Мы имѣемъ предъ собою оригинальное зрѣлище:

Русскіе юристы и историки, которые не признаютъ Финляндію государствомъ, а только автономною областію, держатся того же взгляда, котораго держались финляндцы же и политическіе дѣятели и ученые еще 50 лѣтъ тому назадъ, а нынѣшніе финляндцы и ихъ западно-европейскіе друзья отказались отъ этого первоначальнаго финляндскаго же взгляда и признаютъ правильнымъ только тотъ, который укоренился съ момента возстановленія сеймовой дѣятельности, хотя возстановленіе сейма и изданіе двухъ сеймовыхъ уставовъ вѣдь ни въ чемъ не измѣнило природы той связи, которая была установлена 100 лѣтъ тому назадъ.

Отстаивающіе особую государственность Финляндіи ищутъ и находятъ опору своимъ взглядамъ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ актахъ или, вѣрнѣе, въ отдѣльныхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ этихъ актахъ, не обращая вниманія на другіе акты, или не признавая значенія за актами, которые или остались неизвѣстными, или забыты, или считаются безразличными, и въ которыхъ находятся изрѣченія противоположнаго характера.

Особою опорою теоріи финляндской государственности служатъ: Манифестъ Императора Александра I отъ 15 марта 1809 г. объ утвержденіи правъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ этомъ манифестѣ сказано:

„Божіею Милостію Мы Александръ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

„Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту соб-

ственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили“.

Затѣмъ ссылаются преимущественно на слѣдующія слова, употребленныя Императоромъ Александромъ I въ своихъ рѣчахъ при закрытіи и открытіи сейма: о томъ, что сеймъ составитъ эпоху въ политическомъ существованіи финскаго народа, на слова въ рѣчи при закрытіи сейма 6 іюня 1809 г., что финскій народъ возвышенъ въ рангъ націи подъ господствомъ своихъ законовъ, что онъ будетъ свободенъ во внутреннихъ дѣлахъ, на вступительную часть учрежденія Правит. Совѣта 1809 г., нынѣ Сената, гдѣ говорится, что благо государства требуетъ, чтобы провинціальная администрація имѣла опредѣленное сосредоточіе, на слова въ манифестѣ 15 марта 1810 г. о финскихъ войскахъ, въ которомъ сказано, что Государь рѣшилъ управлять Финляндіей какъ народомъ свободнымъ, пользующимся правами, которыя гарантированы конституціей края, на манифестъ 1816 г. о переименованіи Прав. Совѣта въ Сенатъ, въ которомъ въ третій разъ Александръ I утверждалъ особую конституцію края, на конфиденціальныя рескрипты 1810 г. финляндскому Генераль-Губернатору, въ коемъ сказано; „Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое, чтобы онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными пользами, для сего сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы“, и на слова Сперанскаго во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1810 г.: „Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно нельзя управлять ею мимоходомъ среди множества текущихъ дѣлъ“. Но этимъ словамъ и предложеніямъ противостоятъ не меньшее число другихъ и не только слова, но и факты, которые доказываютъ, что Императоръ Александръ I и его ближайшіе совѣтники и сами финляндцы того времени не признавали Финляндію особымъ отъ русскаго государства—государствомъ, а только провинціей, областью или краемъ съ широкой автономіей и особыми политическими правами, не выговоренными по договору, а пожалованными Монархомъ.

Если бы въ 1809 г. Финляндія не только получила особаго преимущества въ составѣ единого Россійскаго государ-

ства, но была бы превращена въ особое государство, тогда несомнѣнно мы бы должны найти отзывъ въ рѣчахъ и актахъ Боргоскаго сейма и въ актахъ Сената, т. е. тогдашняго Прав. Совѣта, и неминуемо финляндцы, среди которыхъ были лица, мечтавшія объ особомъ государствѣ финляндскомъ съ 1788 г., должны были бы заговорить объ этомъ финляндскомъ государствѣ. Между тѣмъ сеймъ называется Финляндію—провинціей; при торжественномъ открытіи Совѣта, вице-предсѣдатель называется Финляндію—провинціей, и вплоть до конца 50 гг. слово провинція не сходитъ со сцены и не замѣняется словомъ государство. Мало того, въ царствованіе Александра I былъ случай, чуть не единственный за 100 лѣтъ, когда финляндцы по собственному почину отказались отъ одной изъ пожалованныхъ имъ привилегій. А именно въ 1822 г. финляндскій офицерскій корпусъ просилъ Государя объ отмѣнѣ ст. 2 рескрипта 1812 г., въ силу котораго финскія войска были обязаны защищать Россію только въ предѣлахъ Финляндіи и на берегахъ Балтійскаго моря, причемъ они называли Россію общимъ отечествомъ.

Что касается высшаго русскаго государственнаго учрежденія: Государственнаго Совѣта, то вотъ какъ онъ разсуждалъ. Недавно перепечатано одно дѣло изъ Архива Государственнаго Совѣта, гдѣ идетъ рѣчь о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно наименованіе и одинъ образъ управленія.

И вотъ какъ разсуждалъ комитетъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта. Въ запискѣ, которая свела въ одно цѣлое всѣ доводы за и противъ соединенія, мы читаемъ: „Обѣ сіи провинціи нынѣ равно принадлежатъ къ Имперіи и той же и единой покорены верховной власти, то не можетъ быть никакого основанія различать ихъ ни по имени, ни въ жребіи, ни въ образѣ управленія, и подобно тому, какъ изъ двухъ прежнихъ разновременныхъ завоеваній составила одна губернія, нынѣ должно изъ трехъ составить одну провинцію“.

А затѣмъ данъ слѣдующій отвѣтъ на одно изъ возраженій противъ отдѣленія Выборгской губерніи.

Уменьшатся казенные доходы. Доходы сіи за содержаніемъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ весьма неважны. Вообще

о финляндскихъ доходахъ сдѣлано постановленіе, чтобы остатки ихъ причисляемы были къ казначейству Имперіи.

Разъ излишки доходовъ надъ мѣстными расходами по Финляндіи перечисляться должны были въ свободные ресурсы государственнаго казначейства, развѣ можно говорить, что Верховная Власть признавала Финляндію особымъ отъ Россіи государствомъ?

До царствованія Императора Александра II включительно можно бы привести случаи употребленія въ отношеніи Финляндіи—то словъ: государство, государственныя, то словъ: провинція, область, край.

Но можно сказать: не въ словахъ дѣло. Названіе играетъ второстепенную роль. Не имѣла ли и не имѣетъ ли Финляндія реальные атрибуты особой государственности. Съ 60-хъ г.г. Финляндія имѣетъ особую монету. Да, но особую монету имѣли въ XVIII ст. и Лифляндія и Сибирь, но они не были особыми государствами. Польша сохранила особую монету послѣ утраты политической самостоятельности. Финляндія имѣетъ особую таможенную систему, но и Польша отдѣлялась до 50 г.г. таможенною чертою отъ Внутренней Россіи. Финляндія до 1901 г. имѣла особо организованное войско, но и въ шведское время финляндцы служили въ особыхъ финскихъ поселенныхъ полкахъ, и тѣмъ не менѣе Финляндія не была особымъ отъ Швеціи государствомъ.

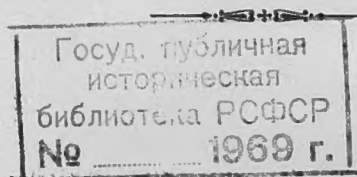
Особое законодательство, особый судъ, особое управленіе, однимъ словомъ особая конституція тоже не превращали Финляндію въ особое государство, ибо автономная область можетъ составлять нераздѣльную часть одного единого государства и тѣмъ не менѣе и именно потому, что она пользуется автономіей, имѣть совершенно своеобразное устройство.

Каковы предѣлы автономіи, какимъ образомъ должны рѣшаться спорные вопросы, возникающіе благодаря измѣняющимся условіямъ внутренней политической жизни, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ автономной области должно считаться съ преобразованіями въ строѣ того государства, въ составъ котораго она входитъ, кто долженъ уступить въ случаѣ коллизіи правъ или интересовъ,—все это вопросы внутренніе, вопросы государственнаго права, а не вопросы международнаго права. Рѣшеніе этихъ вопросовъ,

конечно, затрудняется, если автономная область упорно отстаивает особую государственность или если она стремится къ расширенію своихъ преимуществъ, къ тому расширенію, сторонниками котораго выступаютъ финляндскіе радикалы. Но рѣшеніе такихъ спорныхъ вопросовъ затрудняется также и съ другой стороны, со стороны тѣхъ, кто у насъ въ Россіи отрицаетъ историческій фактъ, что Императоръ Александръ I даровалъ, а его державные преемники подтвердили автономію Финляндіи, которые утверждаютъ, что подъ словомъ „конституція“ Александръ I понималъ только сословныя привилегіи, что подъ словами „коренные законы“ онъ понималъ законы старые, кто однимъ словомъ смотритъ на Финляндію, какъ на заурядную губернію, на сеймъ, какъ на финляндское губернское земское собраніе, на признанные русскими монархами основные законы, какъ на ворохъ старой бумаги, которые однимъ словомъ полагаютъ, что можно вычеркнуть изъ памяти народной столѣтнюю исторію, и которые даже не страшатся подрыва Монаршаго авторитета, заявляя, что Монархи, со славой правившіе Россіей, не знали, что говорили, когда произносили рѣчи съ высоты престола, и не знали, что творили, когда подписывали торжественные акты.

Ни первый путь, ни второй не приведутъ къ добру, ибо не создадутъ прочнаго правопорядка; первый потому, что Россія не помирится съ созданіемъ или признаніемъ особаго государства въ 30 верстахъ отъ столицы, второй потому, что онъ превратитъ Финляндію навсегда въ очагъ ненависти къ Россіи.

Но мы едва ли имѣемъ право сомнѣваться, что тѣ власти и учрежденія, которыя призваны Монархомъ къ участию въ рѣшеніи наболѣвшаго финляндскаго вопроса, рѣшатъ всѣ спорные вопросы, исходя изъ неоспоримой исторической истины, что финскій народъ присоединенъ промысломъ Божиимъ къ русскому народу въ одно единое, нераздѣльное государство, подъ сѣнію единой государственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ не забывая національно культурныхъ потребностей Финляндіи и ея правъ, прибрѣтенныхъ не въ силу международныхъ трактатовъ, которые, какъ показываетъ исторія и притомъ весьма недавняя, соблюдаются до первой возможности ихъ нарушить, а покоятся на Монаршемъ словѣ 5 русскихъ государей.

КОПИРОВАНИЕ

1.08.03.

CF8

Складъ изданія — въ Клубъ Общественныхъ
Дѣятелей (Симеоновская, 1).

ЦѢНА 20 к.